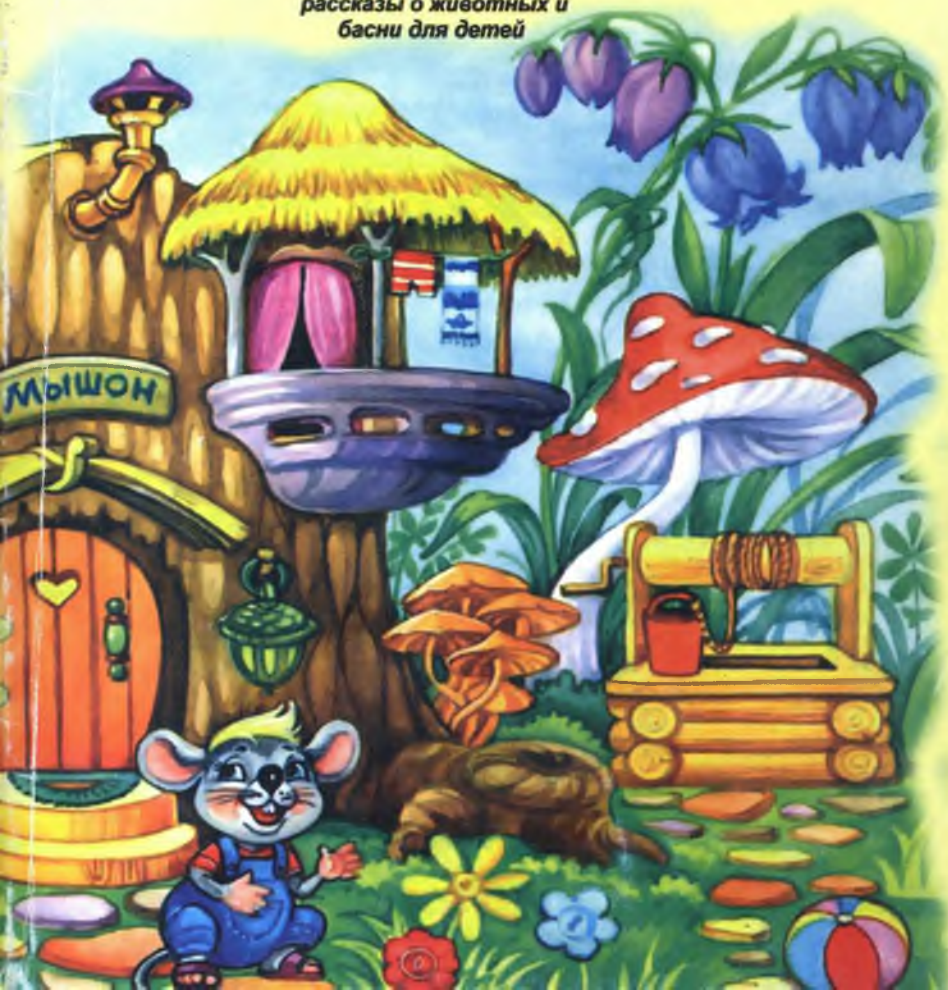

Колокольчик

Надо иметь чувство юмора

рассказы о животных и
басни для детей

НАДО ИМЕТЬ ЧУВСТВО ЮМОРА

*(рассказы о животных и басни для
детей)*

ТАШКЕНТ-2017

УДК: 79. 00. 4

ББК: 86. 1(5.0)

Н – 91

Надо иметь чувство юмора (рассказы о животных и басни для детей). / –
Ташкент, 2017. «Adabiyot uchqunlari». стр 112.

УДК: 79. 00.4

ББК: 86. 1(5.0)

Дорогие дети! Мы с большой любовью предоставляем вам эту книгу в которой вы найдете те самые увлекательные большие и маленькие рассказы о животных и интересные басни.

Рекомендуется также родителям для чтения с детьми.

Составитель: А. НАЖМИДДИНОВ

ISBN 978–9943– 987–98–2

© Издательство

“Adabiyot uchqunlari” 2017

НАДО ИМЕТЬ ЧУВСТВО ЮМОРА

*(смешные истории из
«Денискиных рассказов»)*

Один раз мы с Мишкой делали уроки. Мы положили перед собой тетрадки и списывали. И в это время я рассказывал Мишке про лемуров (небольшие забавные обезьянки, *которые живут в тропических лесах*), что у них большие глаза, как стеклянные блюдечки, и что я видел фотографию лемура, как он держится за авторучку, сам маленький-маленький и ужасно симпатичный.

Потом Мишка говорит:

– Написал?

Я говорю:

– Уже.

– Ты мою тетрадку проверь, – говорит Мишка, – а я – твою.

И мы поменялись тетрадками.

И как я увидел, что Мишка написал. Так сразу стал хохотать. Гляжу, а Мишка тоже покатывается, прямо синий стал.

Я говорю:

– Ты чего, Мишка, покатываешься?

А он:

– Я покатываюсь, что ты неправильно списал! А ты чего?

Я говорю:

– А я то же самое, только про тебя. Гляди, ты написал: «Наступили мазы». Это кто такие – «мазы»?

Мишка покраснел:

– Мазы – это, наверно морозы. А ты вот написал: «Натала зима». Это что такие?

– Да, – сказал я, – не «натала», а «настала». Ничего не попишешь, надо переписывать. Это всё лемуры виноваты.

И мы стали переписывать, а когда переписали, я сказал:

– Давай задачи задавать!

– Давай, – сказал Мишка.

В это время пришёл папа. Он сказал:

– Здравствуйте, товарищи студенты...

И сел к столу.

Я сказал:

– Вот, папа, послушай, какую я Мишке задам задачу: вот у меня есть два яблока, а нас двое, как разделить их среди нас поровну?

Мишка сейчас же надулся и стал думать. Папа не надувался, но тоже задумался. Они думали долго.

Я тогда сказал:

– Сдаёшься, Мишка?

Мишка сказал:

– Сдаюсь!

Я сказал:

– Чтобы мы все получили поровну, надо из этих яблок сварить компот. – И стал хохотать: – Это меня тётя Мила научила.

Мишка надулся ещё больше. Тогда папа сощурил глаза и сказал:

– А раз ты такой хитрый, Денис, дай-ка я задам тебе задачу.

– Давай задавай, – сказал я.

Папа походил по комнате.

– Ну слушай, – сказал он. – Один мальчишка учится в первом классе «В». Его семья состоит из четырёх человек.

Мама встаёт в семь утра и тратит на одевание десять минут. Зато папа чистит зубы пять минут. Бабушка ходит в магазин столько, сколько мама одевается плюс папа чистит зубы. А дедушка читает газеты, сколько бабушка ходит в магазин минус во сколько встаёт мама. Когда они все вместе, они начинают будить этого мальчишку из первого класса «В». На это уходит время чтения дедушкиных газет плюс бабушкино хождение в магазин.

Когда мальчишка из первого «В» просыпается, он потягивается столько времени, сколько одевается мама плюс папина чистка зубов. А умывается он, сколько дедушкины газеты, делённые на бабушку. На уроки он опаздывает на столько минут, сколько он потягивается плюс умывание минус вставание, умноженное на папины зубы.

Спрашивается: кто же этот мальчишка из первого «В» и что ему грозит, если это будет продолжаться? Все!

Тут папа остановился посреди ком-

наты и стал смотреть на меня. А Мишка захохотал во всё горло и стал тоже смотреть на меня. Они оба на меня смотрели и хохотали.

Я сказал:

– Я не могу сразу решить эту задачу, потому что мы ещё этого не проходили.

И больше я не сказал ни слова, а вышел из комнаты, потому что я сразу догадался, что в ответе этой задачи получится лентяй и что такого скоро выгонят из школы. Я вышел из комнаты в коридор и залез за вешалку и стал думать, что если эта задача про меня, то это неправда, потому что я всегда встаю довольно быстро и потягиваюсь совсем не долго, ровно столько нужно. И ещё я подумал, что если папе так хочется на меня выдумывать, то, пожалуйста, я могу уйти из дома прямо на целину. Там работа всегда найдётся, там люди нужны, особенно молодёжь. Я там буду покорять природу, и папа приедет с делегацией на Алтай, уви-

дит меня, и я останавлиюсь на минутку, скажу:

– «Здравствуй, папа», – и пойду дальше покорять.

– А он скажет:

– «Тебе привет от мамы...»

А я скажу:

– «Спасибо... Как она поживает?»

А он скажет:

– «Ничего».

А я скажу:

– «Наверное, она забыла своего единственного сына?».

А он скажет:

– «Что ты, она похудела на тридцать семь кило! Вот как скучает!»

А что я ему скажу дальше, я не успел придумать, потому что на меня упало пальто и папа вдруг прилез за вешалку. Он меня увидел и сказал:

– Ах, ты вот он где! Что у тебя за такие глаза? Неужели ты принял эту задачу на свой счёт?

Он поднял пальто и повесил на место и сказал дальше:

– Я это всё выдумал. Такого мальчишки и на свете-то нет, не то что в вашем классе!

И папа взял меня за руки и вытащил из-за вешалки. Потом ещё раз поглядел на меня пристально и улыбнулся:

– Надо иметь чувство юмора, – сказал он мне, и глаза у него стали весёлые-весёлые. – А ведь это смешная задача, правда? Ну! Засмейся!

И я засмеялся.

И он тоже.

И мы пошли в комнату.

ЛЁГКИЙ ХЛЕБ

(рассказ)

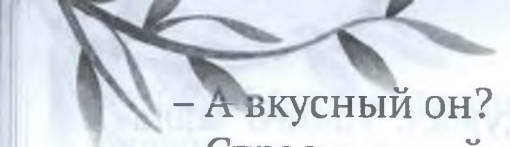
Косил мужик траву на лугу. Уморился и сел под кустом отдохнуть. Достал узелок, развязал и принялся за еду.

Выходит из лесу голодный волк. Видит – мужик под кустом сидит и что-то ест.

Подошёл к нему волк, спрашивает:

– Ты что ешь?

– Хлеб, – отвечает мужик.

-
- А вкусный он?
 - Страсть какой вкусный!
 - Дай мне попробовать.
 - Милости прошу!

Отломил мужик кусок хлеба и дал волку. Понравился волку хлеб. Он и говорит:

– Хотел бы я каждый день есть хлеб, только где его доставать? Посоветуй!

– Ладно, – говорит мужик, – научу тебя, где и как хлеб доставать.

И начал он учить волка:

– Перво-наперво надо землю вспахать...

– Тогда и хлеб будет?

– Нет, брат, погоди. Потом надо землю забороновать...

– И можно хлеб есть? – обрадовался волк и хвостом замахал.

– Ишь ты какой скорый! Сначала надо рожь посеять.

– Тогда будет хлеб? – облизнулся волк.

– Нет ещё! Дождись, пока рожь

взойдёт, холодную зиму перезимует, весной вырастет, потом выколосится, потом начинёт зерном наливаясь, потом зреть...

– Ох, – вздохнул волк, – уж больно долго ждать надо! Ну а когда созреет зерно, тогда-то я наемся хлеба вволю?

– Где там наешься! – говорил мужик. – Раненько ещё! Сначала спелую рожь надо сжать, потом в снопы связать, а уж снопы в крестцы поставить. Ветер их провеет, солнышко просушит, вот тогда вези на ток.

– И есть хлеб буду?

– Какой нетерпеливый! Первым делом надо снопы обмолотить, зерно в мешки собрать, на мельницу отвезти да муку намолотить...

– И всё?

– Нет, не всё. Из муки надо тесто замесить и ждать, покуда тесто взойдёт. Тогда в горячую печь сажать.

– И спечётся хлеб?

– Ага, спечётся. Вот тогда и наешься вволю, – закончил мужик.

Задумался волк, почесал затылок и говорит:

– Нет! Эта работа не по мне – и долго, и хлопотно, и трудно. Ты лучше посоветуй, как лёгкий хлеб добывать.

– Ну что ж, – говорит мужик, – если не хочешь трудный хлеб есть, ешь лёгкий. Иди на выгон, там конь пасётся.

Пошёл волк на выгон. Увидел коня:

– Конь, коня, я тебя съем!

– Что ж, – говорит конь, – ешь! Но сначала сдери с моих ног подковы, чтоб не поломать об них зубы.

– И то правда, – согласился волк.

Пригнулся он подковы сдирать, конь как лягнёт его копытом!

Перекувырнулся волк – да ходу.

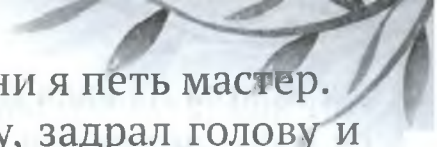
Прибежал к реке. Видит – гуси пасутся. «Не съесть ли мне их?» – думает волк. Потом говорит:

– Гуси, гуси, я вас съем!

– Что ж, – отвечают гуси, – ешь. Только сначала окажи нам услугу.

– Какую? – спрашивает волк.

– Спой нам песню, а мы послушаем.

– Это можно! Песни я петь мастер.

Сел волк на кочку, задрал голову и начал выть. А гуси порх-порх крыльями – с места снялись и улетели.

Слез волк с кочки, поглядел им вслед и пошёл дальше ни с чем.

Идёт, ругает себя: «Ну не дурень ли я, а? И зачем только я взялся петь гусям! Ну уж теперь кого ни встречу – съем!»

Пошёл волк дальше.

Шёл он, шёл, смотрит – овцы на лугу пасутся, а пастух спит. Высмотрел волк самого крупного барашка, схватил его и говорит:

– Баран, баран, я тебя съем!

– Что ж, – говорит баран, – видно, такая моя доля. Становись-ка в ту лощинку да разинь пасть по шире. А я взбегу на пригорок, разгонюсь и сам вскочу тебе в рот.

– Спасибо за совет, – сказал волк, – так и сделаем.

Стал он в лощинку, разинул пасть и ждёт. А баран взбежал на пригорок, разогнался да трах волка рогами! У того

аж искры из глаз посыпались. Очухался волк, покрутил головой и говорит:

– Не пойму: съел я его или нет?

А в это время тот самый мужичок с косьбы домой возвращался.

Услышал он волкова слова и говорит:

– Съесть ты его не съел, а лёгкого хлеба отведал.

ВИТЯ МАЛЕЕВ В ШКОЛЕ И ДОМА

(Отрывок из повести. Рассказ ведётся от имени главного героя повести – Вити Малеева. Ребята этого класса на сборе отряда решили помочь в учёбе Косте Шишкину, своему однокласснику)

...Мы все гурьбой пошли в пионерскую комнату. Шишкин вошёл последним.

– Иди, иди. Шишкин, бойся! – говорил Юра, – Никто тебя ругать не будет.

Мы сели вокруг стола, и Володя сказал:

– Теперь поговорим, ребята, как помочь Шишкину. Он плохо учился и в конце концов дошёл до того, что совсем перестал ходить в школу. Но мы все тоже виноваты в этом. Мы не обращали внимания на то, как он учится, и не помогали ему вовремя.

– Мы, конечно, тоже виноваты, – ответил Ваня. – Но и Шишкин должен понять, что надо учиться лучше. Если он не возьмётся теперь, то это опять может плохо кончиться.

– Правда, Шишкин, только ты не обижайся, это опять может плохо кончиться, – сказал Юра. – А мы поможем тебе, честное слово! Всё, что надо, сделаем!

– Может быть, вы и не занимались совсем? – спросил Володя Алика.

– Почему – не занимались? Мы занимались! – ответил Алик.

– Сколько же раз вы занимались?

– Ну, я не помню. Раза два или три.

– Раза два или три? – удивился Юра.

– Да ты должен был каждый день за-

ниматься с ним, а не раза два или три. Сам обещал. Мы тебе это дело доверили, а ты не оправдал доверия!

– Как же я мог оправдать доверие? – сказал Алик. – К нему придёшь, а его дома нет. Или придёшь, а он говорит: «Я сегодня не в настроении заниматься». Ну, я и бросил.

– Ишь ты, «бросил»! – сказал Юра. – ...Шишкин у нас неорганизованный. Ты вот хорошо учишься, о себе позаботился, а о товарище позаботиться не захотел...

– Я теперь буду хорошо заниматься с Шишкиным, – сказал Алик. – Я шахматами увлёкся, поэтому так и вышло.

– Нет, – ответил Володя, – больше мы тебе этого дела не доверим.

– Теперь я буду с Шишкиным заниматься, – сказал я...

Сбор кончился, и мы вышли на улицу. Шишкин по дороге долго молчал, всё думал о чём-то, потом сказал:

– Вот, оказывается, какой я скверный! Никакой у меня силы воли нет!

Ни к чему я не способный. Ничего из меня путного не выйдет!

– Нет, почему же? Ты не такой уж скверный, – попробовал я утешить его.

– Нет, не говори, я знаю. Только я сам не хочу быть таким. Я исправлюсь. Вот ты увидишь. Честное слово, исправлюсь! Только ты уж. Пожалуйста, помоги мне!...

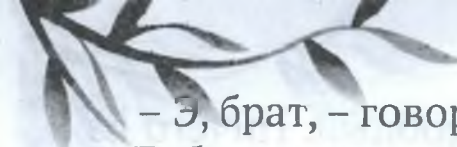
– Да я не отказываюсь, – говорю я.
– Только ты меня слушайся.

Давай начнём заниматься с сегодняшнего же дня. После обеда я приду к тебе, и начнём заниматься.

После обеда я сейчас же отправился к Шишкину и ещё на лестнице услышал собачий лай. Захожу в комнату, Лобзик уже сидит на столе и лает, а Костя щёлкает пальцами у него перед самым носом.

– Это, – говорит, и его приучаю к сигналу... Давай немножко позанимаемся с Лобзиком, а потом начнём делать уроки. Всё равно ведь Лобзика учить надо.

– Э, брат, – говорю, – сам сказал, что с Лобзиком начнёшь заниматься после того, как справишься по русскому языку, и уже передумал.

– Конечно! – закричал Шишкин. – Пошёл вон, Лобзик! Вот даже смотреть на него не стану, пока не исправлюсь по русскому. Скажи, что я тряпка, если увидишь, что я занимаюсь с Лобзиком. Ну, с чего мы начнём?

– Начнём, – говорю, – с русского.

– А нельзя ли с географии или хотя бы с арифметики?

– Нет, нет, – говорю, – я уже на собственном опыте знаю, кому с чего начинать. Что нам по русскому задано?

– Да вот, – говорит, – суффиксы «очк» и «ечк», ещё мне Ольга Николаевна задала повторить правило на безударные гласные и сделать одно упражнение.

– Вот с этого ты и начнёшь, – сказал я.

– Ну ладно, давай начнём.

– Вот и начинай. Или, может быть,

ты думаешь, что я с тобой буду это упражнение делать? Ты всё будешь делать сам. Я только проверять тебя буду. Надо приучаться всё самому делать.

– Что ж, хорошо, буду приучаться, – вздохнул Шишкин и взялся за книгу.

Он быстро повторил правило и принялся делать упражнение. Упражнение было очень простое. Нужно было списать примеры и вставить в слова пропущенные буквы. Вот Шишкин писал, писал, а я в это время учил географию и делал вид, что не обращаю на него внимание. Наконец он говорит:

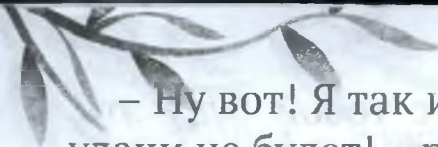
– Готово!

Я посмотрел ...Батюшки! У него там ошибок целая куча! Вместо «гора» он написал «гара», вместо «весёлый» написал «висёлый», вместо «тяжёлый» – «тижёлый».

– Ну-ну! – говорю. – Нарботал же ты тут!

– Что, очень много ошибок сделал?

– Да не так чтоб уж очень много, а, если сказать по правде, порядочно.

– Ну вот! Я так и знал! Мне никогда удачи не будет! – расстроился Костя.

– Здесь не в удаче дело, – говорю я.
– Надо знать, как писать. Ты ведь учил правило?

– Учил.

– Ну, скажи: что в правиле говорится?

– В правиле. Да я уж и не помню.

– Как же ты учил, если не помнишь?

Я заставил его снова прочитать правило, в котором говорится о том, что безударные гласные проверяются ударением, и сказал:

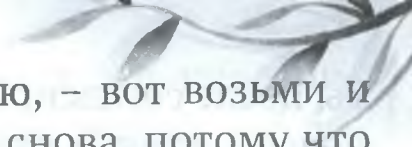
– Вот ты написал «тижёлый». Почему ты так написал?

– Наверно, «тежёлый» надо писать?

– А ты не гадай. Знаешь правило – пользуйся правилом. Измени слово так, чтобы на первом слоге было ударение.

Шишкин стал изменять слово «тяжёлый» и нашёл слово «тяжесть».

– А! – обрадовался он. – Значит, надо писать не «тижёлый» и не «тежёлый», а «тяжёлый».

– Верно, – говорю, – вот возьми и сделай упражнение снова, потому что ты делал его и не пользовался правилом, а от этого никакой пользы не может быть. Всегда надо думать, какую букву писать.

– Ну ладно, в другой раз я буду думать, а сейчас пусть так останется.

– Э, братец, – говорю, – так не годится! Уж если ты обещал слушаться меня, слушайся.

Шишкин со вздохом принялся делать упражнение снова... Тут к нам пришёл Юра. Он увидел, что мы занимаемся, и сказал:

– А, занимаетесь! Вот и хорошо...

Юра заглянул в тетрадь.

– Что же ты тут пишешь? Надо писать «зуб», а ты написал «зуп».

– А какое тут правило? – спрашивает Шишкин. – У меня правило на безударные гласные, а это разве безударная гласная?

– Тут тоже есть правило, – сказал Юра. – Надо изменить слово так, что-

бы после согласной, которая слышится неясно, стояла гласная буква. Вот измени слово.

– Как же его изменить? «Зуб» так и будет «зуб».

– А ты подумай. Что у тебя во рту?

– У меня во рту зубы, и язык ещё есть.

– Про язык тебя никто не спрашивает. Вот ты изменил слово: был «зуб», стало «зубы». Что слышится: «б» или «п»?

– Конечно, «б»!

– Значит, и писать надо «зуб».

В это время пришёл Ваня. Он увидел, что мы занимаемся, и тоже сказал:

– А, занимаетесь!

– Занимаемся, говорим.

– Молодцы! За это вам весь класс скажет спасибо.

– Ещё чего не хватало! – ответил Шишкин. – Каждый ученик обязан хорошо учиться, так что спасибо тут не за что говорить.

– Ну, это я так просто сказал. Весь

класс хочет, чтобы все хорошо учились, а раз вы учитесь, значит, всё будет хорошо.

Тут опять отворилась дверь, и вошёл Вася Ерохин.

– А, занимаетесь! – говорит.

– Что это такое? – говорю я. – Каждый приходит и говорит: «А, занимаетесь», будто мы первый раз в жизни занимаемся, а до этого и не учились вовсе!

– Да я не про тебя говорю, я про Шишкина, – ответил Вася.

– А Шишкин что? Будто он совсем не учился? У него по всем предметам не такие уж плохие отметки, только по русскому...

Тут снова отворяется дверь. И на пороге появляется Алик Сорокин.

– Сейчас тоже, наверно, скажет: «А, занимаетесь!» – прошептал Шишкин.

– А, занимаетесь? – улыбнулся Алик Сорокин.

Мы все чуть со смеха не лопнули.

– Чего вы смеётесь? Что я тут смешного сказал? – смутился Алик.

– Да ничего. Мы не над тобой смеёмся, – ответил я. – А ты чего пришёл?

– Так просто. Думал, может, моя помощь понадобится.

– Может быть, и шахматы с собой захватил? – спросил я.

– Ах я растяпа! Забыл шахматы захватить! Вот бы мы и сыграли тут!

– Не, ты уж с шахматами лучше уходи отсюда подальше, – сказал Юра. – Пойдёмте домой, ребята, не будем им мешать заниматься.

Ребята ушли.

– Это они приходили проверить, учимся мы или нет, – сказал Костя.

– Ну и что же? – говорю я. – Ничего тут обидного нет.

– Что же тут обидного? Я и не говорю. Ребята хорошие, заботливые... Мне только надо стараться учиться лучше...

ЖИЗНЬ СЕРОГО МЕДВЕДЯ

(рассказы о животных)

Сытому зверю противен запах пищи, но когда зверь голоден, запах пищи манит его. Обычно странный запах, приносимый западным ветром, вызывал, отвращение Уэба. Теперь он манил его к себе, и Уэб ковылял вверх по тропинке, на гору, ворчал себе под нос и яростно отмахивался от веток, которые иногда били его по морде.

А странный запах всё усиливался и манил. Наконец Уэб пришёл в такое место, где раньше никогда не бывал. Это был склон горы, покрытый светлым песком. Со склона текла какая-то странная вода, а из ямы выходил странный пар. Нос Уэба подозрительно насторожился – какой непонятный запах! Уэб побрёл вверх по склону. Извиваясь, ползла по песку змея. Уэб так прихлопнул её, что деревья вокруг задрожали, а свисавший камень сорвался и полетел вниз.

РИКЕ С ХОХОЛКОМ

(рассказ)

Первый часть

Жила когда-то королева, у которой родился сын, такой безобразный, что долгое время сомневались – человек ли он. Волшебница, присутствовавшая при его рождении, уверяла, что всё обернётся к лучшему, так как он будет весьма умён; она даже прибавила, что благодаря особому дару, полученному им от неё, он сможет наделить всем своим умом ту особу, которую полюбит более всего на свете.

Это несколько утешило бедную королеву, которая весьма была огорчена тем, что родила на свет такого гадкого малыша. Правда, как только этот ребёнок научился лепетать, он сразу же стал говорить премилые вещи, а во всех его поступках было столько ума, что нельзя было не восхищаться. Я забыл сказать, что родился он с маленьким хохолком на голове, а потому

его и прозвали: Рике с хохолком. Рике было имя всего его рода.

Лет через семь или восемь у королевы одной из соседних стран родились две дочери. Та из них, что первой вилась на свет, была прекрасна, как день; королеве это было столь приятно, что окружающие опасались, как бы ей от слишком сильной радости не стало худо. Та самая волшебница, которая присутствовала при рождении Рике с хохолком, находилась и при ней и, дабы ослабить её радость, объявила, что у маленькой принцессы вовсе не будет ума и что насколько она красива, настолько она будет глупа. Это очень огорчение ещё большее: она родила вторую дочь, и та оказалась чрезвычайно некрасивой.

– Не убивайтесь так, сударыня, – сказала ей волшебница. – Ваша дочь будет вознаграждена иными качествами, и будет у ней столько ума, что люди не заметят в ней недостатка красоты.

– Дай бог, – ответила королева, – но

нельзя ли сделать так, чтобы старшая, такая красивая, стала немного поумнее?

– Что до ума, сударыня, я ничего не могу для неё сделать, – сказала волшебница, – но я всё могу, когда дело идёт о красоте, а так как нет такой вещи, которой я бы не сделала для вас, то она получит от меня дар – наделять красотой того, кто ей понравится.

По мере того как обе принцессы подрастали, умножились и их совершенства, и повсюду только и было речи, что о красоте старшей и об уме младшей. Правда и то, что с годами весьма усиливались и их недостатки. Младшая дурнела прямо на глазах, а старшая с каждым днём становилась всё глулее. Она или ничего не отвечала, когда её о чём-либо спрашивали, или говорила глупости. К тому же она была такая неловкая, что если переставляла на камине какие-нибудь фарфоровые вещицы, то одну из них непременно разбивала, а когда пила воду, то поло-

вину стакана всегда выливала себе на платье.

Хотя красота – великое достоинство в молодой особе, всё же младшая дочь всегда имела больший успех, чем старшая. Сперва все устремлялись к красавице, что если переставляла на камине какие-нибудь фарфоровые вещицы, то одну из них непременно разбивала, а когда пила воду, то половину стакана всегда выливала себе на платье.

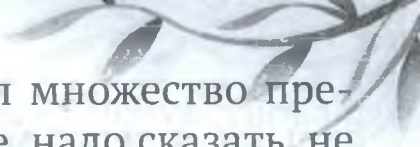
Хотя красота – великое достоинство в молодой особе, всё же младшая дочь всегда имела больший успех, чем старшая. Сперва все устремлялись к красавице, чтоб поглядеть на неё, полюбоваться ею, но вскоре все уже шли к той, которая была умна, потому что её приятно было слушать; можно было только удивляться, что уже через четверть часа, даже раньше, никого не оставалось подле старшей, а все гости окружали младшую. Старшая, хоть и была весьма глупа, замечала это и не пожалела бы отдать всю свою красу,

лишь бы наполовину быть такой умной, как её сестра. Королева, как ни была разумна, всё же порой не могла удержаться, чтоб не попрекнуть дочь её глупостью, и бедная принцесса чуть не умирала от этого с горя.

Как-то раз в лесу, куда она пошла поплакать о своей беде, к ней подошёл человек очень уродливой и неприятной наружности, одетый, впрочем, весьма пышно. Это был молодой принц Рике с хохолком: влюбившись в неё по портретам, которые распространены были во всём мире, он оставил королевство своего отца ради удовольствия повидать её и поговорить с нею. В восторге от того, что встретил её здесь совсем одну, он подошёл к ней и представился как только мог почтительнее и учтивее. Он приветствовал её, как подобает, и тут, заметив, что принцесса очень печальна, сказал ей:

— Не понимаю, сударыня, отчего это особа столь прекрасная, как вы, может быть столь печальна? Хотя я и могу по-

хвалиться, что видел множество прекрасных особ, все, же, надо сказать, не видел ни одной, чья красота напоминала бы вашу.

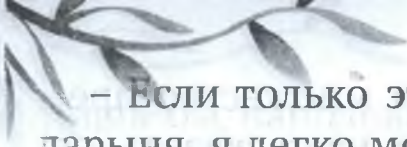
– Вы так любезны, сударь, – ответила ему принцесса и больше ничего не могла придумать.

– Красота, – продолжал Рике с хохолком, – столь великое благо, что она всё остальное может нам заменить, а когда обладаешь ею, то, мне кажется, ничто уже не может особенно печалить нас.

– Я бы предпочла, – сказала принцесса, – быть столь же уродливой, как вы, но быть умной, вместо того чтобы быть такой красивой, но такой глупой.

– Ничто, сударыня, не служит столь верным признаком ума, как мысль об его отсутствии, и такова уж его природа, что чем больше его имеешь, тем больше его недостаёт.

– Не знаю, – сказала принцесса, – знаю только, что я очень глупа, оттого-то и убивает меня печаль.

– Если только это огорчает вас, сударыня, я легко могу положить конец вашей печали.

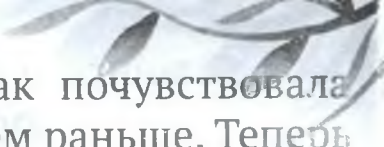
– А как вы это сделаете? – спросила принцесса.

– В моей власти, сударыня, сказал Рике с хохолком, – наделить всем моим умом ту особу, которую я по люблю более всего на свете. А так как эта особа вы, сударыня, то теперь от вас одной зависит стать умной, лишь бы вы согласились выйти замуж за меня.

Принцесса была совсем озадачена и ничего не ответила.

Вижу, сказал Рике с хохолком, – что это предложение смущает вас, но я не удивляюсь и даю вам сроку целый год, чтобы вы могли принять решение.

Принцессе настолько не хватало ума, и в то же время ей так сильно хотелось иметь его, что она вообразила, будто этому году никогда не будет конце, – и вот она приняла сделанное ей предложение. Не успела она пообещать Рике, что выйдет за него замуж

ровно черед год, как почувствовала себя совсем иною. Чем раньше. Теперь она с поразительной лёгкостью могла говорить всё, что хотела, и говорить умно, непринуждённо и естественно. В ту же минуту она начала с принцем Рике любезный и лёгкий разговор и с таким блеском проявила в нём свой ум, что Рике с хохолком подумал, не дал ли он ей больше ума, чем оставил себе самому.

Когда она вернулась во дворец, весь двор не знал, что и подумать о таком внезапном и необыкновенном превращении; насколько прежде все привыкли слышать от неё одни только глупости, настолько теперь удивлялись её здравым и бесконечно остроумным речам. Весь двор был так обрадован, что и представить себе нельзя; только младшая сестра осталась не очень довольна, потому что, уже не превосходя теперь умом сестру, она рядом с нею казалась всего лишь противным уродом.

РОДНИК

(рассказ)

Русский язык открывается до конца в своих поистине волшебных свойствах и богатстве лишь тому, кто кровно любит и знает «до косточки» свой народ и чувствует сокровенную прелесть нашей земли.

Чтобы убедиться в этом, чтобы изучить ёмкий и меткий словарь, у нас есть, помимо книг таких знатоков природы и народного языка, как Пришвин, Горький, Алексей Толстой, Аксаков, Лесков, Бунин и многие другие писатели, главный и неиссякаемый источник языка — язык самого народа. Язык колхозников, паромщиков, пастухов, пасечников, охотников, рыбаков, старых рабочих, лесных объездчиков, бакенщиков, кустарей, сельских живописцев, ремесленников и всех тех бывалых людей, у которых что ни слово, то золото.

Особенно ясным для меня стали эти

мысли после встречи с одним лесником.

Шли мы с этим лесником по мелко-лесью. В незапамятные времена здесь было большое болото, потом оно высохло, и сейчас о нём напоминает только глубокий, вековой мох, небольшие окна-колодцы в том мху да обилие багульника.

Мы остановились у одного такого оконца и напились воды.

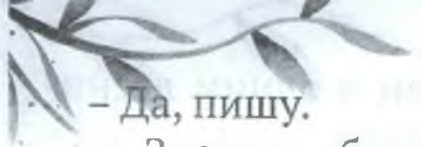
– Родник! – сказал лесник, глядя, как из оконца всплыл и тотчас пошёл на дно неистово барахтавшийся жук. – Должно, Волга тоже начинается из такого оконца?

– Да, должно быть, – согласился я.

– Я большой любитель слова разбирать, – неожиданно сказал он и смущённо усмехнулся. – И вот, скажи на милость! Бывает же так, что пристанет к тебе одно слово и не даёт покоя. – Лесник помолчал, поправляя на плече охотничье ружье, и спросил:

– Вы, говорят, вроде книги пишете?

– Да, пишу.

– Значит, образование слов у вас должно быть обдуманное. А я вот как ни прикидываю, а редко какому слову найду объяснение. Идёшь по лесу, перебираешь в голове слово за словом, и так их прикинешь, и этак: откуда они взялись? Да ничего не получается. Познаний у меня нет. Не обучен. А бывает. Найдёшь слову объяснение и радуешься. А чему радоваться? Мне не ребят учить. Я лесной человек, простой обходчик.

– А какое слово к вам привязалось сейчас? – спросил я.

– Да вот этот самый родник. Я это слово давно заметил. Всё его обхаживаю. Надо думать, получилось оно от того, что тут вода зарождается. Родник родит реку, а река льётся-течёт через всю нашу матушку-землю, через всю родину, кормит народ. Вы глядите, как это складно выходит, – родник, родина, народ. И все эти слова как бы родня между собой. Как бы родня! -- повто-

рил он и засмеялся.

Простые эти слова открыли мне глубочайшие корни нашего языка.

Весь многовековой опыт народа, вся поэтическая сторона его характера заключалась в этих словах.

ТОЛПА НА НАБЕРЕЖНОЙ

(рассказ о матрёшки)

— Когда ты сойдёшь на берег в Неаполе, — сказала мне моя дочь — молодая женщина, склонная к неожиданным поступкам, — то подари эту первую матрёшку первой же итальянской девочке.

Я согласился. Кто знает, — может быть, это поручение приведёт к какому-нибудь лирическому событию. А от таких событий мы основательно отвыкли.

До моего отъезда матрёшка в ~~ш~~али пышного алого цвета стояла на письменном столе. Она была густо покрыта лаком и блестела, как стеклянная.

В ней было скрыто ещё пять матрёшек в разноцветных ш~~а~~лях: зелёной,

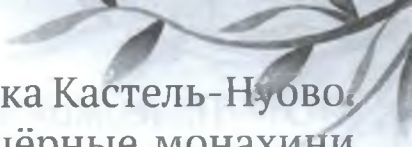

жёлтой, синей, фиолетовой и, наконец, – самая маленькая матрёшка, величиной с напёрсток, – в шали из сусального золота.

Деревенский мастер наградил матрёшек чисто русской красотой – соболиными бровями и рдеющим, как угли, румянцем. Синие их глаза он прикрыл такими длинными ресницами, что от одного их взмаха должны были разбиваться вдребезги мужские сердца. С детских лет я представлял себе Неаполь довольно ясно, даже с некоторыми подробностями.

В действительности Неаполь оказался как бы сдвинутым в пространстве и цвете. То, что я привык представлять себе с правой стороны, находилось слева: то, что в воображении я видел белым, оказывалось оливковым или коричневым, а классический дым над Везувием совершенно исчез. Везувий уже два года не дымил. Говорили, что он погас навсегда.

Ранним утром наш пароход прича-

лил к молу около замка Кастель-Нуово. На молу толпились чёрные монахини в белых крылатых чепцах. Они ещё издали торопливо крестили и благословляли наш пароход.

Внезапно к монахиням подъехала на мотороллере полная пожилая игуменья и что-то гневно крикнула. Монахини, испуганно озираясь, засеменяли мелкой рысью прочь от нашего парохода и скрылись в утренней дымке неаполитанских улиц. Игуменья, рыча мотороллером, умчалась за ними.

Очевидно, произошла путаница, и монахини встретили и благословили совсем не тот пароход, какой было нужно. Действительно, вскоре рядом с нами причалил старый, кривой на один борт пароход «Палермо». Выцветший итальянский флаг уныло висел на его корме. Пароход привёз из Палестины паломников, поклонявшихся гробу господню.

От «Палермо» несло кофейной гущей и ладаном. В каютах висели чёрные распятия и пучки колючей травы. То были злаки и тернии Иудеи, жалкий корм верблюдов и ослов, одеревенелые растения пустыни.

«Палермо» высадил паломников и тотчас уснул, привалившись к пристани. Шершавые водоросли свисали с его красного днища, и казалось, что престарелый этот пароход так устал от длинного рейса, что у него не хватило силы побриться.

Но «Палермо» не повезло. Ему не дали поспать даже полчаса. Два развязных буксира с трубами набекрень подошли к «Палермо», зацепили сонный пароход стальными тросами и оттащили от мола, чтобы дать место американскому пароходу «Президент Гувер».

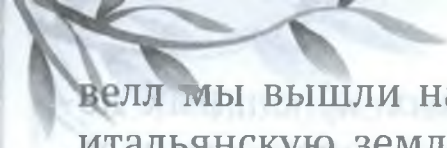
Американец был белый, длинный и скучный. От привёз туристов, в большинстве пожилых. По его палубам бродили, переваливаясь, крашенные

дамы в сморщенных купальных костюмах и тёмных окулярах самых затейливых форм: в виде летучих мышей, трапеций. Тропических бабочек и парашютов. Мужчины ходили в трусах, не стесняясь своих синеватых петушиных ног.

Но самым удивительным здесь, в Неаполе, где краски неба, облаков и моря превращают весь видимый мир в голубой вкрадчивый дым, а ночи рыдают голосами уличных музыкантов, — самым удивительным и неприятным было то обстоятельство, что эти американские мужчины и женщины оказались неслыханно пресными, скучными и, конечно, не поступились ни одной из своих застарелых привычек. Для них в мире не было ничего поразительного. Земля не давала им достаточных поводов для восхищения хотя и заслуживала по временам поощрительного похлопывания по плечу.

Через огромный зал таможни с выложенными на полу мозаиками кара-

велл мы вышли на мол и ступили на итальянскую землю. Она была вымощена обыкновенной брусчаткой. По камням бродили толпы голубей.

Полицейские в белых тропических шлемах и белых лакированных портупях смотрели на нас пристально и выжидательное. Иногда их глаза просто умоляли нас о чём-то для нас непонятном. Но вскоре выяснилось. Что полицейские жаждали получить московские сувениры, в особенности значки с видами Кремля. Открыто выпрашивать сувениры они не решались.

Я вы шел на набережную. Я не забыл об итальянской девочке и нёс матрёшку. Завёрнутую в папиросную бумагу. Любители сувениров некоторое время молча и укоризненно брели за мной, потом отстали.

Никакой девочки я сразу не заметил. Правда, я легко мог пропустить её, потому что часто останавливался и смотрел в глубину улиц, выходявших на набережную.

Это глубина улиц была заманчива и таинственна. Заманчива причудливым переплетением мощных завитков колони с чёрными ветками тиса, крикливых вывесок со струями совершенно хрус

тальной воды из фонтанов, крылатых полногрудых богинь на фасадах домов с разноцветным блеском церковных витражей, полосатых тентов над кофейнями с одуряюще пахнущими олеандрами. Их розовые цветы слабо качались от непрерывного автомобильного ветра. Улицы выносили, как реки, на раскалённую набережную холодный ток воздуха из мраморных зданий.

Девочки всё не было. Я с досадой подумал, что она успела, должно быть, незаметно прошмыгнуть мимо меня. Я заставил себя наконец оторваться от зрелища приморских улиц и посмотрел вдоль набережной. Сначала у меня потемнело в глазах от плотного

неё матрёшку.

Она увидела матрёшку, остановилась и засмеялась, прижав к груди смуглые пальцы.

Чему она смеялась, я не знаю. Быть может, красоте неизвестной игрушки, пылавшей под солнцем Неаполя. Так смеются люди, когда сбываются их любимые сны.

Я протянул матрёшку девочке. Она не взяла её. Она перестала смеяться, сдвинула тёмные брови и испуганно метнулась в сторону. Я схватил её за руку и почти силой заставил взять куклу.

Она потупилась, присела и сказала едва слышно:

– Грации, синьоре!

Потом снова присела и подняла на меня влажные, сияющие глаза. Мне трудно было поверить в то, что девочка так сильно обрадовалась такому пустяку, как матрёшка. Но я увидел вбли-

зи её худенькие ключицы под ветхим платьем, увидел и другие приметы безропотной бедности и понял, что для этой девочки матрёшка и вправду – большая радость.

Тогда я ещё не знал зловонных от гнилых овощей кварталов Неаполя, не знал и окраин к северу от города, где дым канареечного цвета, пахнувший кислотами, висит над пустырями. И там и тут жили люди.

Всё это я встретил позже. Сейчас же Неаполь беспечно сверкал, щедро отдавая морю тот блеск, что оно изливало на него.

Девочка всё благодарила меня. Мальчик был ещё так мал, что, как ни задирал голову и ни старался увидеть, что происходит с сестрой, не мог заменить матрёшку. Но всё же, подражая сестре, он гудел снизу, из-за её коленок, хриплым басом:

– Граacie, синьоре!

Я наклонился к мальчику, но в это время кто-то обнял меня сбоку за шею,

заглянул в лицо, и я увидел рядом с собой смеющиеся твёрдые губы и широко раскрытые радостные глаза.

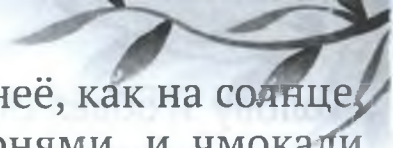
Молодая женщина, должно быть крестьянка, в синей юбке с оборками и лёгкой чёрной шали, накинутой на плечи прижалась на мгновение горячей щекой к моей щеке и произнесла гортанно и нежно всё те же слова:

— Грации, синьоре!

Это была одна из продавщиц цветов, сидевших на набережной. Она подбежала ко мне и начала благодарить за то, что я подарил такую редкую игрушку итальянской девочке.

Через минуту вокруг нас уже перекрикивалась разноцветная толпа продавщиц. Они оставили без надзора свои лотки с апельсинами, дешёвыми кораллами, цветками, лентами, американской жевательной резинкой и сигаретами. Они хлопали меня по плечу, обнимали, что-то кричали мне прямо в лицо, и глаза у них смеялись.

Матрёшка пошла по рукам. Жен-

щины смотрели на неё, как на солнце, прикрыв глаза ладонями, и чмокали от восхищения. Они тормозили девочку, поздравляли её, поправляли на ней старенькое платье. Одна из женщин быстро заплела ей наново косы и вплела в них оранжевую ленту.

Внезапно все стихли. Я оглянулся. К толпе медленно шёл таможенный надсмотрщик в кепи с золотым галуном и маленьким, как будто игрушечным, пистолетом, висевшим на поясе в белой лакированной кобуре.

Он шёл уверенно, раздвигая толпу. Лицо его с короткими усиками было совершенно бесстрастно.

Надсмотрщик подошёл к девочке, взял у неё из рук матрёшку и начал тщательно рассматривать, наморщив брови. Девочка умоляюще смотрела на него. Несколько раз она робко протягивала к матрёшке руку, но тотчас отдергивала её. Надсмотрщик поднял

голову и обвёл глазами толпу. Десятки настороженных глаз, в свою очередь, смотрели на него. Тогда надсмотрщик усмехнулся и щёлкнул пальцами. Толпа неопределённо зашумела.

Надсмотрщик поднял над головой матрёшку, показал её на все стороны. Как это делают фокусники («О ля-ля!»), потом быстрым и совершенно незаметным движением открыл матрёшку и выхватил из неё вторую – в яркой зелёнок шали.

Надсмотрщик так же спокойно собрал все шесть матрёшек в одну и отдал девочке. Она прижала матрёшку не к груди, а прямо к своему бьющемуся от счастья горлу, схватила мальчика за руку и бросилась бежать.

Надсмотрщик на ломаном французском языке сказал мне наставительно и суховато:

– Вы сделали маленькую оплошность, мосье.

– Какую?

– Вы могли подарить эту игрушку не

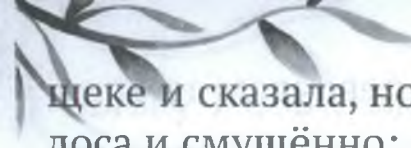

одной, а шестерым девочкам-неаполитанкам.

Он был прав, конечно, относительно шестерых девочек. Может быть, поэтому он так величественно поднёс руку в белой перчатке к своему кепи и ушел несколько надменно и горделиво.

Вот, собственно, и всё, что случилось в то утро с матрёшкой в Неаполитанском порту, если бы не некоторое добавочное обстоятельство. Оно принадлежит у тому ряду явлений, какие, может быть, существуют только в нашем воображении и являются плодом наших желаний. Но, несмотря на это, они действуют на дальнейшее течение наших дней с неотразимой силой.

Девочка исчезла, забыв напоследок попрощаться со мной. Эту её ошибку исправила всё та же молодая крестьянка в синей юбке с оборками. Она снова обняла меня, снова ласково прижалась смуглой пылающей щекой к моей

щеке и сказала, но теперь уже вполголоса и смущённо:

– Адди, мио каре синьоре!

Она тотчас убежала вместе с другими продавщицами к своим корзинам с цветами, а у меня на щеке остался горьковатый и тягучий запах её лица. Он был похож на запах лаванды. Когда поезд Неаполь – Рим, поминутно пытаясь сорваться с рельсов и обрушиться в жёлтые ущелья Апеннин, мчался к Риму, я смотрел в окно на маленькие горные города и думал, что каждый из них мог быть родиной этой крестьянки.

Белые – петлистые и пустынные – дороги подымались к этим городам из выжженных засухой долин. По этим дорогам сенили ослы. Лучше всего были видны их тёмные уши.

Тоненькие ослиные ноги сливались с цветом шиферной пыли, и потому их было нельзя рассмотреть.

Я был уверен в этом. И эта вера бесконечно облегчала жизнь. Это было

моё последнее впечатление от Неаполя.

Поезд подали на мол прямо к пароходу. Пароход тотчас отчалил. С палубы в свете неестественно ярких фонарей было видно то место на набережной, где днём сидели продавщицы.

Я всматривался в него, стыдясь сознаться самому себе, что жду чуда, жду, что на пустынной мостовой появится молодая крестьянка в синей юбке с оборками и побежит по молу вслед за пароходом, уже медленно резавшим стальным носом мрак ночи и чёрную воду залива.

Я просидел на палубе до рассвета, пока не открылись в слабо голубеющих и необъятных водах огни Сардинии.

Рассвет я встретил с сожалением. Я знал, что каждый день будет удалять ль меня прошлое и погружать его в темноту так же медленно и верно, как иссякает в зрительном зале перед спектаклем электрический свет.

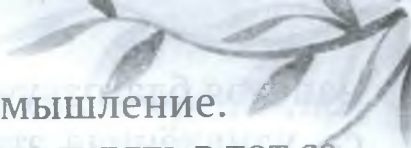
РИКЕ С ХОХОЛКОМ

(рассказ)

Второй часть

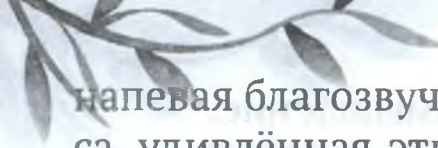
Король стал слушать советов старшей дочери и нередко в её покоях совещаться о делах. Так как слух об этой перемене распространился повсюду, то молодые принцы из всех соседних королевств стали пытаться заслужить её любовь, и почти все просили её руки: но ни одни из них не казался ей достаточно умным, и она выслушивала их, никому ничего не обещая. Но вот к ней явился принц столь могущественный, столь богатый, столь умный и столь красивый, что принцесса не могла не почувствовать к нему расположения.

Отец её, заметив это, сказал, что предоставляет ей выбрать жениха и что решение зависит только от неё. Чем умнее человек, тем труднее принять решение в таком деле, а потому, поблагодарив отца, она попросила

дать ей время на размышление.

Случайно она пошла гулять в тот самый лес, где встретила принца Рике, чтобы на свободе подумать о том, что ей предпринять. Гуляя там в глубокой задумчивости, она вдруг услышала глухой шум под ногами, как будто какие-то люди ходят, бегают, суетятся. Внимательно прислушавшись, она разобрала слова. Кто-то говорил: «Принеси мне этот котелок!» А кто-то другой: «Поддай мне тот котелок». А третий: «Подложи дров в огонь». В тот же миг земля разверзлась, и у себя под ногами принцесса увидела большую кухню, которую наполняли повара, поварята и все прочие, без кого никак не приготовить роскошного пира. От них отделилась толпа человек в двадцать или тридцать; то были вертельчики, они направились в одну из аллей, расположились там вокруг длинного стола и, со шпиговальными иглами в руках, в шапках с лисьими хвостиками на головах, дружно принялись за работу,

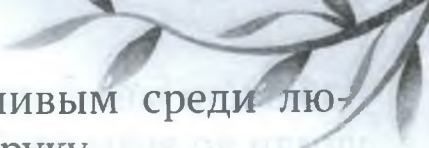
напевая благозвучно песню. Принцесса, удивлённая этим зрелищем, спросила их, для кого они трудятся.

— Это, сударыня, — отвечал самый видный из них, — для принца Рике, завтра его свадьба.

Принцесса удивилась ещё больше и, вспомнив вдруг, что сегодня исполнился ровно год с того дня, как она обещала выйти замуж за принца Рике, еле устояла на ногах. Не помнила она об этом оттого, что, давая обещание. Была ещё глупой, а получив от принца ум, который он ей подарил, забыла все свои глупости.

Она продолжала свою прогулку, но не успела пройти и тридцати шагов, как пред ней предстал Рике с хохолком, исполненный отваги, в великолепном наряде, ну, словом, как принц, готовящийся к свадьбе.

— Вы видите, сударыня, — сказал он, — я свято сдержал слово и не сомневаюсь, что вы тоже пришли сюда затем, чтобы исполнить ваше обещание и

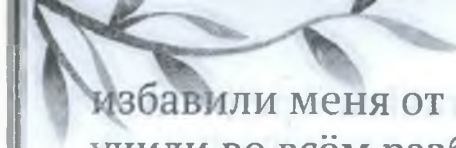

сделать меня счастливым среди людей, отдав мне вашу руку.

– Признаюсь вам откровенно, – ответила принцесса, – я ещё не приняла решения, какое хотелось бы вам, и не думаю, чтобы когда-нибудь приняла.

– Вы удивляете меня, сударыня! – сказал ей Рике и хохолком.

– Верю, – ответила принцесса, – и конечно уж, если бы я имела дело с человеком грубым и глупым, то была бы в великом затруднении. «Слово принцессы свято, сказал бы он мне обещали!» Но я говорю с человеком самым умным во всём мире. А потому уверена, что вас удастся убедить. Вы знаете, что, когда я ещё была глупой, я всё-таки и тогда не решалась выйти за вас замуж, – так как же вы хотите, чтобы теперь, обладая умом, который вы мне дали и от которого я стала разборчивее, чем была прежде, я приняла решение, какое не смогла принять даже в ту пору? Если вы и вправду собирались не мне жениться, то напрасно вы

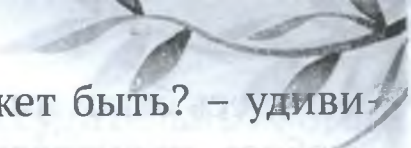

избавили меня от моей глупости и научили во всём разбираться.

– Если глупому человеку, как вы только что сказали, – возразил Рике с хохолком, было бы позволено попрекать вас изменой вашему слову, то почему же мне, сударыня, вы не разрешаете поступить так же, когда дело идёт о счастье моей жизни? Какой смысл в том, чтобы люди умные оказывались в худшем положении, чем те, у которых вовсе нет ума? Вы ли это говорите, вы, у которой столько ума и которая так хотела поумнеть? Но давайте вернёмся к делу. Если не считать моего уродства, что не нравится вам во мне? Вы недовольны моим родом, моим умом, моим нравом, моим поведением?

– Ничуть, – отвечала принцесса, – мне нравится в всё, что вы перечислили сейчас.

– Если так, – сказал Рике с хохолком, – я очень рад, потому что вы можете сделать меня самым счастливым из смертных.

– Как же это может быть? – удивилась принцесса.

– Так будет, – ответил принц Рике, – если вы полюбите меня настолько, что пожелаете этого, а чтобы вы, сударыня, не сомневались, знайте: от той самой волшебницы, что в день моего рождения наградила меня волшебным даром и позволила мне наделить умом любого человека, какого мне заблагорассудится, вы тоже получили дар – вы можете сделать красавцем того, кого полюбите и кого захотите удостоить этой милости.

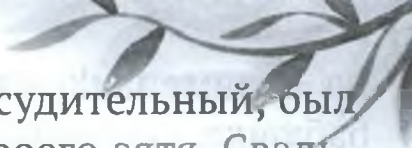
– Если так, – сказала принцесса, – я от души желаю, чтоб вы стали самым прекрасным и самым любезным принцем на всей земле, и насколько это в моих силах, приношу вам в дар красоту. Не успела принцесса произнести эти слова, как принц Рике уже превратился в самого красивого, самого стройного и самого любезного человека, какого ей случалось видеть.

Иные уверяют, что чары волшебни-

ны здесь были ни при чём, что только любовь произвела это превращение. Они говорят, что принцесса, поразмыслив о постоянстве своего поклонника, о его скромности и обо всех прекрасных свойствах его ума и души, перестала замечать, как уродливо его тело, как безобразно его лицо: горб его стал теперь придавать ему некую особую важность, в его ужасной хромоте она теперь видела манеру склоняться чуть набок, и эта манера приводила её в восторг. Говорят даже, будто глаза его казались ей теперь ещё более блестящими оттого, что были косы, будто в них она видела выражение страстной любви, а его большой красный нос приобрёл для неё какие-то таинственные, даже героические черты.

Как бы то ни было, принцесса обещала Рике тотчас же выйти за него замуж, лишь бы он получил согласие её отца. Король, узнав, сколь высоко его дочь ставит принца Рике, который к тому же был ему известен как принц

весьма умный и рассудительный, был рад увидеть в нём своего зятя. Свадьбу отпраздновали на другой день, как и предвидел Рике с хохолком, и в полном согласии с приказаниями, которые он успел дать задолго до этого.

КАК ВАШЕ ЗДОРОВЬЕ?

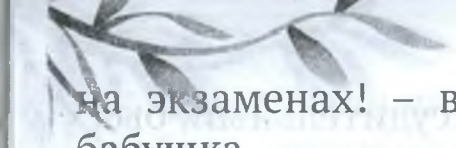
(рассказ о «звоните и приезжайте!»)

Первый часть

Бабушка считала моего папу неудачником. Она не заявляла об этом прямо. Но время от времени ставила нас в известность о том, что все папины товарищи по институту, как назло, стали главными врачами, профессорами или, в крайнем случае, кандидатами медицинских наук.

Бабушка всегда так громко радовалась успехам папиных друзей, что после этого в квартире становилось тихо и грустно. Мы понимали, что папа был «отстающим»...

– Хотя все они когда-то приходили к тебе за советами. Ты им подсказывал

на экзаменах! – воскликнула как-то бабушка.

– Они и сейчас приносят ему свои диссертации, – тихо сказала мама, не то гордясь папой, не то в чём-то его упрекая. – Они получают творческие отпуска для создания научных трудов! А он и в обычный отпуск уже три года не может собраться. Каждый день эта больница! Операции, операции... И больше ничего. Хоть бы на недельку взял бюллетень: заболел бы, отдохнул, что ли...

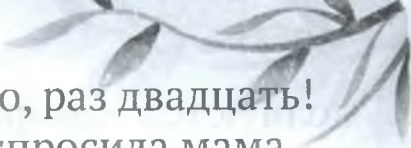
Вскоре мамино желание сбылось: папа заболел гриппом. Ему прописали лекарства.

– А ещё, – сказал врач, – нужен покой, тишина...

Телефон у нас стал звонить каждые две минуты.

– Как его здоровье? Как он себя чувствует? – спрашивали незнакомые голоса.

Сперва меня это злило: папа не мог заснуть. И вечером я сказал маме:

– Звонили, наверно, раз двадцать!

– Сколько? – переспросила мама.

– Раз тридцать, – ответил я, потому что почувствовал вдруг, что мама как-то приятно удивлена.

– Они мешают ему спать, – сказал я.

– Я понимаю. Но, значит, они волнуются?

– Ещё как! Некоторые чуть не плакали... от волнения. Я их успокаивал.

– Когда это было? – поинтересовалась бабушка.

– Ты как раз ушла за лекарством. Или была здесь, на кухне... Точно не помню.

– Возможно... Звонков действительно было много! – сказала бабушка и с удивлением посмотрела на дверь комнаты, в которой лежал папа.

Она не ожидала, что будет столько звонков. Они обе не ожидали!

«Как здорово, что папа заболел! – думал я. – Пусть узнают... И поймут. Особенно мама!» Да, больше всего мне хотелось, чтоб мама узнала, как о папе

волнуются совершенно посторонние люди.

– Однажды, мне довелось ухаживать за студентом Юрой. Ну, который живёт в соседней квартире... – сказал я. – Вы помните? – Мама и бабушка кивнули в ответ. – Он тоже был болен гриппом. И ему тоже звонили. Человека два или три в день. Не больше. А тут прямо нет отбоя!

В эту минуту зазвонил телефон.

– Простите меня, пожалуйста... – слышал я в трубке тихий, какой-то сдавленный женский голос. – Я с кем разговариваю?

– С его сыном!

– Очень приятно... Тогда вы поймёте. У меня тоже есть сын.

Его завтра должны оперировать. Но я хотела бы дождаться выздоровления вашего папы. Если это возможно... Попросите его, пожалуйста. Если возможно... У меня один сын. Я очень волнуюсь. Если это возможно. Я хотела, чтобы ваш папа сам, лично... Тогда

я была бы спокойна!

– Повторите, пожалуйста. Это его жене, – сказал я. – То есть моей маме... Я сейчас ей позову!

И позвал.

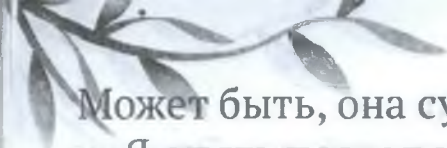
Ещё через час или минут через сорок мужской голос из трубки спросил:

– С кем я имею честь?

– С его сыном!

– Прекрасно! Тогда вы не можете не понять. Моей супруге будут вырезать жёлчный пузырь. Обещали, что вырежет ваш отец. Именно поэтому я и положил её в эту больницу. Хотя у меня были другие возможности! Но мне обещали, что ваш отец... И вдруг такая неприятная неожиданность! Как же так? Надо поднять его на ноги! Может быть, нужны особенные лекарства! Какие-нибудь дефицитные? Я бы мог... Одним словом, я хотел бы его дождаться. Это не театр: здесь дублёры меня не устраивают.

– Скажите всё это его жене. Вот так, как вы говорили мне... Слово в слово!

Может быть, она сумеет помочь.

Я опять позвал маму.

В другие дни я говорил всем, кто интересовался папиным самочувствием:

— Сейчас ничего определённого сказать не могу. Вы позвоните вечером, как раз его жена будет дома! Она вас всё объяснит...

Вернувшись с работы, мама усаживалась в коридоре возле столика с телефоном и без перерыва разговаривала с теми, кого я днём просил позвонить.

Иногда я говорил бабушке:

— Может быть, ты ей поможешь?

И она «подменяла» маму у столика в коридоре.

Больные, врачи, медсёстры, которые звонили папе, каждый раз спрашивали:

— А какая температура?

К сожалению, температура у него была невысокая. А мне хотелось, чтобы все они продолжали волноваться о его здоровье! И однажды я сказал:

– Температура? Не знаю... Разбил градусник. Но лоб очень горячий. И вообще, мечется!..

Так я в тот день стал отвечать всем. Я говорил шёпотом в коридоре, чтобы папа не слышал.

Мой шёпот на всех очень действовал. Мне отвечали тоже чуть слышно, одними губами:

– Всё ещё плохо?

– Да... Позвоните попозже, когда будет его жена!

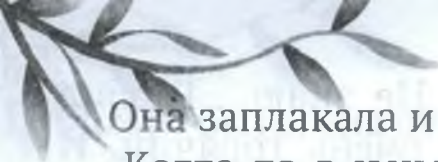
Вечером нам принесли целых четыре градусника.

– Хочется, чтобы у него была нормальная температура, – тихо сказала та самая женщина, сыну которой мне градусник. – Он всё ещё мечется?..

– Нет, уже лучше, – сказал я. – Гораздо лучше. Не волнуйтесь, пожалуйста...

– Поставьте ему этот градусник, – попросила она. Будто от градусника что-то зависело.

– По-моему, есть заметное улучшение, – вновь успокоил я женщину.

Она заплакала и ушла.

Когда-то в юные годы мама любила ученика музыкальной школы, который играл на виолончели. И даже стал лауреатом Всероссийского конкурса. «Далеко пошёл!» – любила говорить о нём бабушка.

– Неужели вы думаете, – сказал я на кухне маме и бабушке, – что если бы ваш виолончелист заболел гриппом, ему бы столько звонили? И купили бы столько градусников?..

– Ну, что ты!.. Разве можно сравнивать? – восклицала бабушка. – Тут же речь идёт о человеческих жизнях!..

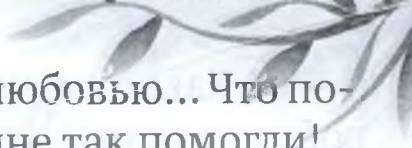
– Да, он нужен людям! – сказал я.

– Безусловно! – воскликнула мама.

Не заболел бы папа вирусным гриппом, она бы ни за что этого не воскликнула. То есть она произнесла бы, может быть, то же самое слово, но не так громко, не так уверенно.

Во всех газетах пишут, что с вирусным гриппом надо беспощадно бороться. А я думал об этих вирусах с

нежностью и даже с любовью... Что поделаешь? Если они мне так помогли!..

В тот день я твёрдо решил, что, если меня и дальше дома будут недооценивать, я тоже тяжело заболею. Хорошо было бы умереть... на время, чтобы все поняли, кого они потеряли! Но так как это, к сожалению, невозможно, я обязательно заболею. И весь наш класс (все сорок три человека!) будут звонить. Уж я постараюсь! Тогда все сразу поймут...

ЧТО ЛЮБИТ МИШКА

Один раз мы с Мишкой зашли в зал, где у нас бывают уроки пения. Борис Сергеевич сидел за роялем и что-то тихо играл. Мы с Мишкой сели на окно и сидели тихо, чтобы не мешать, а он нас не замечал и продолжал играть. Мне очень нравились радостные и приветливые звуки, и я долго мог бы так сидеть и слушать. Но Борис Сергеевич закрыл крышку рояля, увидел нас и весело сказал:

– О! Какие люди! Сидят, как два воробья на ветке! Что скажете?

Я спросил:

– Что это вы играли, Борис Сергеевич?

Он ответил:

– Это Шопен. Я его очень люблю.

Я сказал:

– Понятно. Вы учитель пения, поэтому и любите разные песенки.

Он сказал:

– Это не песенка. То, что я играл, больше чем простая «песенка».

Я спросил:

– Что же это?

Он серьёзно ответил:

– Му-зы-ка. Шопен – великий композитор. Он сочинил чудесную музыку. А я люблю музыку больше всего на свете.

Он посмотрел на меня внимательно и спросил:

– Ну, а ты что любишь? Больше всего на свете!

Я ответил:

– Я много чего люблю.

И я рассказал про собаку, и про то, как я строгаю, и про слонёнка, и про лань с розовыми копытами, и про древних воинов, и про лошадиные лица, и про всё, всё, всё...

Он слушал меня внимательно, а потом сказал:

– Удивительно! А я и не знал. Ты ещё маленький, а любишь так много! Целый мир!

В наш разговор вмешался Мишка. Он сказал:

– А я ещё больше Дениса люблю!

Борис Сергеевич засмеялся и сказал:

– Очень интересно! Теперь твоя очередь, что же ты любишь?

Мишка подумал немного и начал:

– Я люблю булки, батоны и кекс. Я люблю хлеб, торт и пирожные. Пирожки люблю тоже, с мясом, джемом, капустой и рисом. И горячо люблю кильку, икру и картошку. Особенно жареную. Можно и варёную.

Варёную колбасу люблю очень силь-

но – могу съесть на спор целый килограмм. Копчёную колбасу люблю больше всего! Очень люблю макароны с маслом, сыр – с дырочками и без дырочек, с красной коркой или с белой – всё равно.

Люблю яблоки, котлеты, суп из фасоли, зелёный горошек, мясо, сахар, чай, яйца... Так... Про конфеты – говорить не буду. Кто их не любит? Ах, да. Я всей душой люблю мороженое. Мишка посмотрел на потолок и вздохнул. Видно, он уже здорово устал.

Борис Сергеевич внимательно смотрел на него, и Мишка поехал дальше. Он бормотал:

– Морковь, рыбу, бананы, пирожные, про пирожки я уже говорил. Бульон, компот, колбасу, колбасу я тоже говорил... Мишка замолчал.

Было ясно, что он ждёт, когда Борис Сергеевич его похвалит. Но тот молчал, только внимательно смотрел на Мишку. Мишка тоже молчал...

Первым заговорил Борис Сергеевич:

– Ты многое, конечно, любишь, но всё это какое-то одинаковое, съедобное. Получается целый продуктовый магазин. И только. А люди? Кого ты любишь? А животные?

Тут Мишка покраснел и сказал: – Ой, совсем забыл! Ещё – котят! И бабушку!

КАК ВАШЕ ЗДОРОВЬЕ?

(рассказ о «звоните и приезжайте!»)

Второй часть

– Ты знаешь, я почти физически ощущаю страдания своих пациентов, – сказал мне однажды папа. Сказал тихо, чтобы мама и бабушка не услышали. Он даже тихо стесняется говорить им такие слова, потому что они кажутся ему слишком громкими. А может, он просто не хочет, чтобы мама знала, что часто он «физически» ощущает страдания.

А мне папа рассказывает обо всём! Даже о том, что всю жизнь, начиная с четвёртого класса, он любит одну

только маму.

– Некоторые приятели удивляются этому, – сказал как-то папа.

– Пусть удивляются! – сказал я. – Несчастные! Просто они никогда не встречали таких женщин, как мама.

В общем, от меня у папы не бывает секретов.

Мне кажется, что, если когда-нибудь мне будут делать тяжёлую операцию, я перенесу её очень легко. Потому что обо тяжёлых операциях, которые приходится делать папе, он мне подробно рассказывает и я к ним как-то уже привык.

Ведь надо же ему с кем-то делиться! Женщин он не хочет расстраивать. А мужчина. Кроме него, в доме только один. Это я!

Всех тяжёлых больных я знаю по имени-отчеству. И родственников их знаю, потому что они без конца звонят нам по телефону. Папа им сообщает: «Сегодня мы вашего мужа начали поворачивать!», «Ваш сын научился

ходить! Да, опять... И уже дошёл до окна! Представляете?»

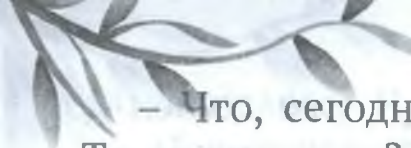
– Можно подумать, что у вас в больнице нет справочного бюро, – сказал однажды бабушка.

– Близкие люди иногда переносят операцию трудней, чем сами больные, – ответил папа. – Ведь им не дают наркоза! Вот я и стараюсь хотя бы по телефону производить «обезболивание».

Папе всегда известно, где и кем работают его пациенты, от чём мечтают и сколько у них детей.

– Нельзя вторгаться в чужую жизнь, не зная её! – говорил он. – Особенно так решительно, как делаем это мы, хирурги...

Папа всегда очень боится разволновать маму и бабушку. Поэтому, когда по утрам он весело и громко поёт, я знаю, что на душе у него грустно. Или, вернее сказать, тревожно. Тогда я тихонько затаскиваю папу на кухню или в ванную комнату и спрашивают:

– Что, сегодня тяжёлая операция? Ты волнуешься?

– Лёгких операций не бывает, – почти всегда отвечает папа. А потом сознаётся: – Да, много отягчающих обстоятельств... – Или что-то вроде этого.

Ну, я в ответ говорю, что верю в него, – на душе у папы сразу становится легче, и он перестаёт петь.

Днём я сообщаю бабушке:

– Надо узнать, как у Женьки дела с геометрией! – Набираю номер больницы и, когда папа подходит, спрашиваю: – Ну. Как? Ты решил задачу?

Папа сразу меня понимает. Мы с ним вообще понимаем друг друга.

И когда вечером он приходит домой, я по лицу его точно угадываю – есть осложнения или нет, очень высокая температура или не очень...

Но однажды папино лицо было таким, что я ничего не понял. Папа был не грустным и не весёлым. Он был никаким. И походка была чужая. Вернее

сказать, и походка тоже никакой не было... Я испугался.

– Что-нибудь случилось? – прошептала я.

– Он умер, – ответил папа.

– Кто?!

– Егоров... Иван Павлович.

Раньше я про Егорова ничего не слышал.

И утром в тот день папа не волновался, не пел. Правда. Мама с бабушкой уехали на три дня за город. Но всё равно – я бы почувствовал!

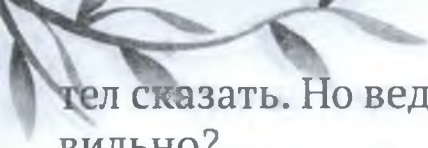
– А сколько ему было лет?

– Ну да... Это первый вопрос в таких случаях. Какая разница, сколько лет! Он должен был жить.

– А что у него было... такое?

Ничего особенного. В том-то и дело, что ничего особенного! Операция прошла хорошо. А потом... Как бы тебе объяснить? Образовался маленький сгусток крови... Тромб...

– Значит, ты не виноват? (Папа взглянул на меня). То есть, я не это хо-

тел сказать. Но ведь ты всё сделал правильно?

– Он умер. А позавчера ко мне приходила его мать... Ты понимаешь?

– Значит, он молодой?

– Пятьдесят семь лет.

– И... мать?

– Ей семьдесят восемь. Но быстрая, и глаза не усталые... «Хорошо, – говорит, – что жена Ванина в санатории, а дети ихние в других городах. А то испугались бы, когда ночью этот приступ случился!» А я ещё пошутил... «Болезнь, – говорю, – на приступ пошла не страшная. Мы отобьёмся!»

– Она уже знает?..

– Я сказал ей, что операция будет дней через пять. Так меня Егоров просил. Чтобы не волновалась...

«Иван Павлович всё-таки, значит, позаботился о наркозе для своей матери», – подумал я. И спросил:

– Что же теперь будет?

– Теперь я пойду к ней. И сам всё скажу.

– Я тоже пойду!

– Идём. Это недалеко. Во дворе кинотеатра «Заря»... Она мне сказала: «Когда Ваня придёт домой и вы приходите!...»

Я взял папу под руку. И повёл его. Он не удивился и не вырывался. Я, значит, был ему нужен! Или просто ему было тогда всё равно.

– Она все рассказывала о нём. Матери почти всегда делают это. Чтоб я полюбил их детей – и старался... – Папа говорил о Егорове так. Будто тот был приблизительно в моём возрасте, а мать его была в возрасте моей мамы.

– Больше всего на свете матери боятся пережить детей своих, сказал папа. – Они верят, что мы, врачи, этого не допустим. А тут, видишь, как получилось...

Я шёл и думал, почему маленький сгусточек крови оказывается сильнее всех на свете.

В газетах я всегда читаю заметки, над которыми нет заголовка, а только

Имя, отчество и фамилия в чёрном рамке. Я читаю о том, где человек родился, где учился, что сделал хорошего... Последняя строчка бывает примерно такой: «Он всегда останется в наших сердцах». Я читаю и думаю: «Как интересно было бы узнать заранее, что о тебе скажут... потом?» Но ещё чаще я думаю о другом: «Ну почему жизнь человека, который сделал так много хорошего, должна зависеть от какого-то тоненького сосудика? Почему?!» Когда я делаюсь этими мыслями с папой, он отвечает:

– Мы вот и стараемся, чтоб не зависели...

Папа очень старается. Это я знаю.

Сейчас я думал о маленьком сгусточке крови, из-за которого всё случилось.

– Папа, скажи, пожалуйста, ты это мог предвидеть?

– Врач должен предвидеть всё, – сердито ответил он.

И всё-таки я снова задал вопрос:

– Я тоже пойду!

– Идём. Это недалеко. Во дворе кинотеатра «Заря»... Она мне сказала: «Когда Ваня придёт домой и вы приходите!...»

Я взял папу под руку. И повёл его. Он не удивился и не вырывался. Я, значит, был ему нужен! Или просто ему было тогда всё равно.

– Она все рассказывала о нём. Матери почти всегда делают это. Чтоб я полюбил их детей – и старался... – Папа говорил о Егорове так. Будто тот был приблизительно в моём возрасте, а мать его была в возрасте моей мамы.

– Больше всего на свете матери боятся пережить детей своих, сказал папа. – Они верят, что мы, врачи, этого не допустим. А тут, видишь, как случилось...

Я шёл и думал, почему маленький сгусточек крови оказывается сильнее всех на свете.

В газетах я всегда читаю заметки, над которыми нет заголовка, а только

– имя, отчество и фамилия в чёрном рамке. Я читаю о том, где человек родился, где учился, что сделал хорошего... Последняя строчка бывает примерно такой: «Он всегда останется в наших сердцах». Я читаю и думаю: «Как интересно было бы узнать заранее, что о тебе скажут... потом?» Но ещё чаще я думаю о другом: «Ну почему жизнь человека, который сделал так много хорошего, должна зависеть от какого-то тоненького сосудика? Почему?!» Когда я делаюсь этими мыслями с папой, он отвечает:

– Мы вот и стараемся, чтоб не зависели...

Папа очень старается. Это я знаю.

Сейчас я думал о маленьком сгусточке крови, из-за которого всё случилось.

– Папа, скажи, пожалуйста, ты это мог предвидеть?

– Врач должен предвидеть всё, – сердито ответил он.

И всё-таки я снова задал вопрос:

А сделать так, чтобы этого не случилось... ты мог?

– Я был обязан!

Я понял вдруг, что папа злится не на меня, а на себя самого. Этого я не мог допустить!

– Ты был обязан? Или ты мог? Скажи мне, пожалуйста...

– Ты никогда не станешь врачом, – сказал папа.

– Почему?

– Потому что всё время думаешь обо мне. То есть, и о себе! Вместо того чтобы... Да ладно! – Папа махнул рукой.

– Должен же о тебе кто-то думать, раз ты сам о себе никогда не думаешь, – повторил я фразу, которую не раз слышал от мамы.

Мы вошли во двор. И тут выяснилось, что папа не знает номера квартиры. Он помнил только про кинотеатр, а про номер забыл.

Полный седой мужчина поливал кусты и траву. По тому, как он держал в руках шланг, я сразу понял, что он не

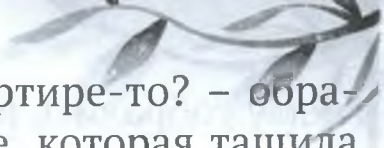

дворник, а поливает двор по собственному желанию. Мужчина заметил что мы оглядываемся по сторонам.

– Вам кого?

– Где тут квартира Егорова? – спросил папа.

– А-а, сына ведёте на исправление? – почему-то обрадовался мужчина. – У нас в доме, как только парень споткнётся, так его к Ивану Павловичу везут. Имеет он к ним подход! А теперь, значит, из других домов потянулись... Он в первом подъезде живет. На втором этаже... Квартиру не помню! Но сейчас он в больнице. – Мужчина вздохнул. Вода из шланга лилась на один и тот же куст. – Без него ребята вон стол поломали... Стойку делали. Акробаты! Мы до его возвращения чинить не будем. Пусть они ему в глаза поглядят! При нём бы не поломали. Ни за что! Уважа-ают... О цветах и кустах они будь здоров как заботятся. А почему? Иван Павлович посадил. И яблоня эта – его... Они в первом подъезде жи-

вёт... А в какой квартире-то? – обратился он к женщине, которая тащила мимо нас сумки.

– Вы про кого?

– Про Егорова.

Женщина сразу опустила сумки на землю. Грустно так опустила, тяжело.

– Он в том подъезде живет! Седьмая квартира. Скорей бы уж возвращался! У меня сын к математике неспособный. Так он Ивана Павловича любил, а потом уж (из-за него!) – математику. Четвёрки стал приносить. Я отсюда никуда не уеду. Пока сын не вырастет! Давайте я вас провожу. Мать его дома, наверно...

Мы пошли за соседкой. Я тащил одну её сумку, а папа другую. Она всё рассказывала:

– Тут из школы приятели приходили к сыну. Они без Ивана Павловича соскучились. Я ведь тоже в школе училась... Помню... Когда у нас урок отменяли, мы от радости не знали, куда деваться! А эти тоскуют. В больницу к

нему собрались идти. Я здесь, на первом этаже... А мы поднимайтесь выше. Он там живёт!

Не глядя, она ткнула пальцем в кнопку звонка. Дверь ей открыла соседка – ужасно какая-то недовольная и озабоченная.

– Что же выключи с собой не берёте? От дел отрываете...

– Тут вот люди квартиру Ивана Павловича ищут, – зачем-то сообщила женщина с сумками.

– Иван Павлович над нами живёт. Прямо над нами!

Мы стали подниматься... Медленно, будто считали ступени или были после какой-нибудь тяжёлой болезни.

«Живёт... Живёт... Живёт! – стучало у меня в ушах. – Живёт...»

ТУРТУКАЙ

(рассказы об А. В. Суворове)

Слава Суворова началась с Туртукая. Суворов только недавно был произведён в генералы и сражался под нача-

лом фельдмаршала Румянцева-Зайду-
найского против турок.

Румянцев был прославленным полководцем. Однако на сей раз он вёл войну нерешительно. Русская армия топталась на месте. Никаких побед, никаких продвижений.

Не терпелось, не хотелось Суворову сидеть на одном месте.

– Одним глядением крепостей не возьмёшь, – возмущался он робостью графа Румянцева.

И вот, не спросясь разрешения, Суворов завязал с неприятелем бой. Отбросил противника, прогнал и уже было ворвался в турецкую крепость Туртукай, как пришёл приказ Румянцева повернуть назад.

Суворов подумал: победа рядом, командующий далеко, и ослушался. Ударил в штыки. «Чудо-богатыри, за мной!» И взял Туртукай.

Тут же Суворов написал фельдмаршалу донесение:

«Слава Богу, слава вам! Туртукай взят, и я там».

Обидно стало Румянцеву, что молодой генерал одержал победу над турками, а он, фельдмаршал, не может. Да и рапорт в стихах разозлил Румянцева. Решил он отдать Суворова под суд заслушание и невыполнение приказа.

Те, кто были поближе к Румянцеву, говорили:

– Прав фельдмаршал. Что же это за армия, если в ней нарушать приказы!

Однако большинство офицеров и солдат защищали Суворова.

– Так приказ приказу рознь, – говорили одни.

– За победу – под суд? – роптали другие.

– Это из-за стишков фельдмаршал обиделся, – перешёпты-вались третьи.

Слухи о расправе над молодым генералом дошли и до царицы Екатерины Второй. Защитила она Суворова.

«Победителя не судят», – написала царица Румянцеву.

Суворов вернулся с войсками и че-

рез несколько дней одержал новую победу над турками.

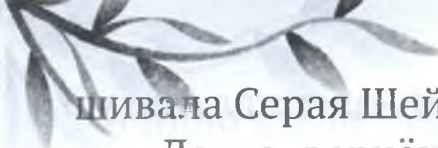
СЕРАЯ ШЕЙКА

(серая Шейка – маленькая уточка. У неё было переломлено крыло ещё весной, когда подкралась к выводку Лиса и схватила утёнка, Старая Утка смело бросилась на врага и отбила утёнка; но одно крылышко оказалось сломанным. Серая Шейка не могла осенью лететь на юг со всеми остальными птицами)

1

Старая Утка ввиду близившейся разлуки относилась к дочери-калекё с удвоенной нежностью. Бедняжка ещё не знала, что такое разлука и одиночество, и смотрела на сборы других в дорогу с любопытством новичка. Правда, ей иногда делалось завидно, что её братья и сёстры так весело собираются к отлёту, что они будут опять где-то там, далеко-далеко, где не бывает зимы.

– Ведь вы весной вернётесь? – спра-

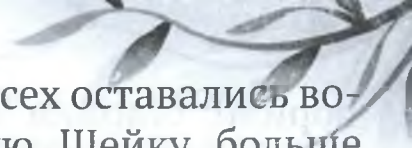

шивала Серая Шейка у матери.

– Да, да, вернёмся, моя дорогая... И опять будем жить все вместе...

Старой Утке нужно было собрать все силы, чтобы не выдать своего отчаяния. Она старалась казаться весёлой и плакала потихоньку от всех. Ах, как ей жаль милой, бедненькой Серой Шейки... Других детей она теперь почти не замечала и не обращала на них внимания, и ей казалось, что она даже совсем их не любит.

А как быстро летело время... Был уже целый ряд холодных утренников, и от инея пожелтели берёзки и покраснели осины. Вода в реке потемнела, и сама река казалась больше, потому что берега оголели... Холодный осенний ветер обрывал засыхавшие листья и уносил их. Небо часто покрывалось тяжёлыми осенний дождь. Вообще хорошего было мало, и который день уже неслись мимо стаи перелётной птицы... Первыми тронулись болотные птицы, потому что болота уже начали

замерзать. Дольше всех оставались водоплавающие. Серую Шейку больше всего огорчал перелёт журавлей, потому что они так жалобно курлыкали, точно звали её с собой...

«Как им, должно быть, хорошо», – думала Серая Шейка.

Лебеди, гуси и утки тоже начинали готовиться к отлёту. Отдельные гнёзда соединялись в большие стаи. Старые и бывалые птицы учили молодых. Каждое утро эта молодёжь с весёлым криком делала большие прогулки, чтобы укрепить крылья для далёкого перелёта. Умные вожаки сначала обучали отдельные партии, а потом всех вместе... Сколько было крика, молодого веселья и радости...

Одна Серая Шейка не могла принимать участия в этих прогулках в любовалась ими только издали. Что делать, приходилось мириться со своей судьбой. Зато как она плавала, как ныряла. Вода для всё составляла всё.

– Нужно отправляться... пора! – го-

ворижи старики вожаки. – Что нам здесь ждать?

А время летело, быстро летело... Наступил и роковой день. Вся стая сбилась в одну живую кучу на реке. Это было ранним осенним утром, когда вода ещё была покрыта густым туманом. Утиный косяк сбился из трёхсот штук. Слышно было только кряканье главных вожаков. Старая Утка не спала всю ночь – это была последняя ночь, которую она проводила вместе с Серой Шейкой.

– Ты держись вон около того берега, где в реку сбегает ключик, – советовала она. – Там вода не замёрзнет целую зиму...

Серая Шейка держалась в стороне от косяка, как чужая... Да, все были так заняты общим отлётом, что на неё никто не обращал внимания. У Старой Утки изболелось всё сердце, глядя на бедную Серую Шейку. Несколько раз она решала про себя, что останется; но как останешься, когда есть другие дети

и нужно лететь вместе с косяком?

– Ну, трогай! – громко скомандовал главный вожак, и стая поднялась разом вверх.

Серая Шейка осталась на реке одно и долго провожала глазами улетевший косяк. Сначала все летели одной живой кучей, а потом вытянулись в правильный треугольник и скрылись...

2

Река, на которой осталась Серая Шейка, весело катилась в горах, покрытых густым лесом. Место было глухое, и никакого жилья кругом. По утрам вода у берегов начинала замерзать, а днём тонкий, как стекло, лёд таял.

«Неужели вся река замёрзнет?» думала Серая Шейка с ужасом...

Река была пуста, и жизнь сохранялась только в лесу, где посвистывали рябчики, прыгали белки и зайцы. Раз со скуки Серая Шейка забралась в лес и страшно перепугалась, когда из-под куста кубарем вылетел Заяц.

– Ах, как ты меня напугала, глупая!
– проговорил Заяц, немного успокоившись. – Душа в пятки ушла... И зачем ты толчешься здесь? Ведь все утки давно улетели...

– Я не могу лететь: Лиса мне крылышко перекусила, когда я ещё была совсем маленькой...

– Уж эта мне Лиса! Нет хуже зверя... Она и до меня давно добирается... Ты берегись её, особенно когда река покроется льдом. Как раз сцапает...

Они познакомились. Заяц был такой же беззащитный, как и Серая Шейка, и спасал свою жизнь постоянным бегством.

– Если бы мне крылья, как птице, так я бы, кажется, никого на свете не боялся!... У тебя вот хоть и крыльев нет, так зато ты плавать умеешь, а не то возьмишь и нырнишь в воду, – говорил он. – А я постоянно дрожу со страху... У меня – кругом враги. Летом ещё можно спрятаться куда-нибудь, а зимой всё видно.

Скоро выпал и первый снег, а река всё ещё не поддавалась холоду. Борьба шла не на жизнь, а на смерть. Всего опаснее были ясные, звёздные ночи, когда всё затихало и на реке не было волн. Река точно засыпала, и холод старался сковать её льдом, сонную. Так и случилось. Была тихая-тихая звёздная ночь. Тихо стоял тёмный лес на берегу, точно стража из великанов...

Бурлившая днём горная река присмирела, и к ней тихо-тихо подкрался холод, крепко обнял гордую непокорную красавицу и точно прикрыл её зеркальным стеклом.

Серая Шейка была в отчаянии, потому что не замёрзла самая середина реки, где образовалась широкая полынья (*незамёрзшее место среди скованной льдом реки*).

Свободного места, где можно было плавать, оставалось не больше пятнадцати сажен. Огорчение Серой Шейки дошло до последней степени, когда

на берегу показалась Лиса, – это была та самая Лиса, которая переломила ей крыло.

– А, старая знакомая, здравствуй! – ласково проговорила Лиса, останавливаясь на берегу. – Давненько мы не видались... Поздравляю с зимой.

– Уходи, пожалуйста, я совсем не хочу с тобой разговаривать, – ответила Серая Шейка.

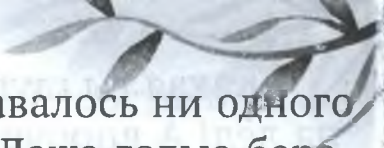
– Это за мою-то ласку! Хороша же ты, нечего сказать!... А впрочем, про меня лишнего много говорят. Сами наделают что-нибудь, а потом на меня и свалят... Пока – до свиданья!

Когда Лиса убралась, приковылял Заяц и сказал:

– Берегись, Серая Шейка: она опять придёт.

4

И Серая Шейка тоже начала бояться, как боялся Заяц. Бедная даже не могла любоваться творившимися кругом неё чудесами. Наступила уже настоящая зима. Земля была покрыта белоснеж-

ным ковром. Не оставалось ни одного тёмного пятнышка. Даже голые берёзы, ольхи, ивы и рябины убрались инеем, точно серебристым пухом. А если сделались ещё важнее.

Они стояли засыпанные снегом, как будто надели дорогую тёплую шубу. Да, чудно, хорошо было кругом; а бедная Серая Шейка знала только одно: что эта красота не для неё, и трепетала при одной мысли, что её полынья вот-вот замёрзнет и ей некуда будет деться. Лиса действительно пришла через несколько дней, села на берегу и опять заговорила:

– Соскучилась я по тебе, уточка... Выходи сюда; а не хочешь, так я сама к тебе приду. Я не спесива...

И Лиса принялась ползти осторожно по льду к самой полынье. У Серой Шейки замерло сердце. Но Лиса не могла подобраться к самой воде, потому что там лёд был ещё очень тонок. Она положила голову на передние лапки, облизнулась и проговорила:

– Какая ты глупая, уточка... Вылезай на лёд! А впрочем, до свиданья! Я тороплюсь по своим делам...

Лиса начала приходить каждый день – проведать, не застыла ли полынья. Наступившие морозы делали своё дело. От большой полыньи оставалось всего одно окно в сажень величиной. Лёд был крепкий, и Лиса садилась на самом краю. Бедная Серая Шейка со страху ныряла в воду, а Лиса сидела и зло посмеивалась над ней:

– Ничего, ныряй, я тебя всё равно съем... Выходи лучше сама.

Заяц видел с берега, что проделывает Лиса и возмущался всем своим заячьим сердцем:

– Ах, какая бессовестная эта Лиса!... Какая несчастная эта Серая Шейка! Съест ее лиса.

5

По всей вероятности, Лиса и съела бы Серую Шейку, когда полынья замёрзла бы совсем, но случилось иначе.

Заяц всё видел своими собственными косыми глазами.

Дело было утром. Заяц выскочил из своего логовища покормиться и поиграть с другими зайцами. Мороз был здоровый, зайцы грелись, поколачивая лапку о лапку. Хотя и холодно, а всё-таки весело.

– Братцы, берегитесь! – крикнул кто-то.

Действительно, опасность была на носу. На опушке леса стоял сгорбленный старичок охотник, который подкрался на лыжах совершенно неспешно и высматривал, которого бы зайца застрелить.

«Эх, тёплая старухе шуба будет», – соображал он, выбирая самого крупного зайца.

Он даже прицелился из ружья, но зайцы его заметили и кинулись в лес, как сумасшедшие.

– Ах, лукавцы! – рассердился старичок. – Вот уж я вас... Того не понимают, глупые, что нельзя старухе без

шубы. Не мёрзнуть же ей... А Акинтича не обманете, сколько ни бегайте. Акинтич-то похитрее будет... А старуха Акинтичу вот как наказывала: «Ты смотри, старик, без шубы не приходи». А вы сигать.

Старичок пустился разыскивать зайцев по следам, но зайцы рассыпались по лесу, как горох. Старичок порядком измучился, обругал лукавых зайцев и присел на берегу реки отдохнуть.

– Эх, старуха, старуха, убежала наша шуба! – думал он вслух. – Ну, вот отдохну и пойду искать другую...

6

Сидит старичок, горюет, а тут, глядь, Лиса по реке ползёт, – так и ползёт, точно кошка.

– Где, ге, вот так штука! – обрадовался старичок. – К старухиной-то шубе и воротник сам ползёт... Видно, пить захотела, а то, может, и рыбки вздумала половить.

Лиса действительно подползла к самой полынье, в которой плавала Серая

Шейка, и улеглась на льду. Стариковские глаза видели плохо и из-за Лисы не замечали утки.

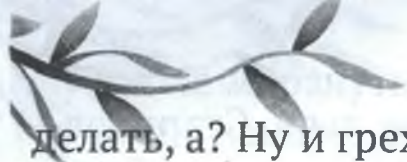
«Надо так её застрелить, чтобы воротника не испортить, – соображал старик, прицеливаясь в Лису. – А то вот как старуха будет браниться, если воротник-то в дырках окажется...»

Старичок долго прицеливался... наконец грянул выстрел. Сквозь дым от выстрела охотник увидел, как что-то метнулось по льду – и со всех ног кинулся к полынье; по дороге он два раза упал, а когда добежал до полыньи, то только развёл руками, – воротника как не бывало, а в полынье плавала одна перепуганная Серая Шейка.

– Вот так штука! – ахнул старичок, разводя руками. О В первый раз вижу, как лиса в утку обратилась. Ну и хитёр же зверь.

– Дедушка, Лиса убежала, – объяснила Серая Шейка.

– Убежала? Вот тебе, старуха, и воротник к шубе... Что же я теперь буду

делать, а? Ну и грех вышел... А ты, глупая, зачем тут плаваешь?

– А я, дедушка, не могла улететь вместе с другими. У меня одно крылышко попорчено...

– Ах, глупая, глупая... Да ведь ты замёрзнешь тут или Лиса тебя съест! Да...

Старичок подумал-подумал, покачал головой и решил:

– А мы вот с тобой что сделаем: я тебя внукам отнесу. Вот-то обрадуются... А весной ты старухе яичек нанесёшь да утятток выведешь. Так я говорю? Вот то-то, глупая...

Старичок добыл Серую Шейку из полыньи и положил за пазуху.

«А старухе я ничего не скажу, – соображал он, направляясь домой. – Пусть её шуба с воротником вместе ещё погуляют в лесу. Главное: внуки вот как обрадуются...»

Зайцы всё это видели и весело смеялись. Ничего, старуха и без шубы на печке не замёрзнет.

И МЫ!...

Мы, как только узнали, что наши небывалые герои в космосе называют друг друга Сокол и Беркут, а Мишка – Сокол. Потому что всё равно мы будем учиться на космонавтов, а Сокол и Беркут такие красивые имена! И ещё мы решили с Мишкой, что до тех пор, пока нас примут в космонавтскую школу, мы будем с ним понемножку закаляться как сталь. И как только мы это решили, я пошёл домой и стал закаляться.

Я залез под душ и пустил сначала тёпленькой водички, а потом, наоборот, поддал холодной. И я её довольно легко перетерпел. Тогда я подумал, что раз дело идёт так хорошо, надо, пожалуй, под закалиться чуточку получше, и пустил ледяную струю.

Ого-го! У меня сразу вжался живот, и я покрылся пупырьками.

И так постоял полчасика или минут пять и здорово закалился! И когда я потом одевался, то вспомнил, как ба-

бушка читала стихи про одного маль-
чишку, как он посинел и весь дрожал.

А после обеда у меня потекло из
носу, и я стал чихать.

Мама сказала:

– Выпей аспирина и завтра будешь
здоров. Ложись-ка! На сегодня всё!

И у меня сейчас же испортилось на-
строение.

Я чуть было не заревел, но в это вре-
мя под окошком раздался крик:

– Бе-еркут!... А Беркут!... Да Беркут
же!...

Я подбежал к окошку, высунулся, а
там Мишка!

– Чего тебе, Сокол?

А он:

– Давай выходи на орбиту!

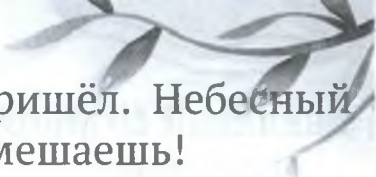
Это во двор, значит. Я ему говорю:

– Мама не пускает. Я простудился!

А мама потянула меня за ноги и го-
ворит:

– Не высовывайся так далеко! Упа-
дёшь! С кем это ты?

Я говорю:

– Ко мне друг пришёл. Небесный брат. Близнец! А ты мешаешь!

Но мама сказала железным голосом:

– Не высовывайся!

Я говорю Мишке:

– Мне мама не велит высовываться...

Мишка немного подумал, а потом обрадовался:

– Не велит высовываться, и правильно. Это будет у тебя испытание на не-вы-со-вы-ва-е-мость!

Тогда я всё-таки немножко высу-
нулся и сказал ему тихонько:

– Эх, Сокол ты мой, Сокол! Мне тут, может, сутки безвыходно торчать!

А Мишка опять всё по-своему пере-
вернул:

– И очень хорошо! Прекрасная тре-
нировка! Закрой глаза и лежи как в
сурдокамере!

Я говорю:

– Вечером я с тобой установлю теле-
фонную связь.

– Ладно, – сказал Мишка, – ты уста-

навливай со мной, а я – с тобой.

И он ушёл.

А я лёг на папин диван и закрыл глаза и тренировался на молчание. Потом встал и сделал зарядку. Потом понаблюдал в иллюминатор неведомые миры, а потом пришёл папа, и я принял ужин из натуральных продуктов. Самочувствие было превосходное. Я принёс и разложил раскладушку.

Папа сказал:

– Что так рано?

А я сказал со значением:

– Вы как хотите, а я буду спать.

Мама положила мне руку на лоб и сказала:

– Ребёнок заболел.

А я ничего ей не сказал. Если они не понимают, что это всё тренировка на космонавта, то зачем объяснять? Не стоит. Потом сами узнают, из газет, когда их благодарить будут за то, что воспитали такого сына, как я!

Пока я думал, прошло довольно много времени, и я вспомнил, что

пора налаживать телефонную связь с Мишкой.

Я вышел в коридор и набрал номер. Мишка подошёл сразу, только у него был какой-то чересчур толстый голос:

– Нда-нда! Говорите!

Я сказал:

– Сокол, это ты?

А он:

– Что-то?

Я опять:

– Сокол, это ты или нет? Это Беркут! Как дела?

Он засмеялся, посопел и говорит:

– Очень остроумно! Ну, довольно разыгрывать. Сонечка, это вы?

Я говорю:

– Какая там ещё Сонечка, это Беркут! Ты что, обалбел?

А он:

– Кто это? Что за выражение? Хулиганство!

Кто это говорит?

Я сказал:

– Это никто не говорит.

И повесил трубку. Наверно, я не туда попал. Тут папа позвал меня, и я вернулся в комнату, разделся и лёг. И только стал задрёмывать; вдруг: з-з-з-з-з! Телефон! Папа вскочил и выбежал в коридор, и, пока я нашаривал тапочки, я слышал его серьёзный голос:

Беркутова? Какого Беркутова? Здесь такого нет! Набирайте внимательно!

Я сразу понял, что это Мишка! Это связь! Я выбежал в коридор в чём мать родила, в одних трусиках.

– Это меня, меня! Это я Беркут!

Папа сейчас же отдал мне трубку, и я закричал:

– Это Сокол? Это Беркут! Слушаю вас!

А Мишка:

– Докладывай, чем занимаешься!

Я говорю:

– Я сплю!

А Мишка:

– Я тоже! Я уже почти совсем заснул, да вспомнил одно важно дело! Беркут, слушай! Перед сном надо спеть! Вдвоём! На пару! Чтобы у нас получился космический дуэт!

Я прямо подпрыгнул:

– Молодец, Сокол! Давай любимую космонавтскую! Подпевай!

И я запел изо всех сил. Я хорошо пою, громко! Громче меня никто не может. Я по громкости первый в нашем хоре. И вот когда я запел, сейчас же изо всех дверей стали высыпать соседи, они кричали: «Безобразия... Здесь коммунальная квартира... Я думала, поросёнка режут...», но папа им сказал: – Это небесные близнецы, Сокол и Беркут, поют перед сном!

– И тогда все замолчали.

– И мы с Мишкой допели до конца:
...На пыльных тропинках далёких планет

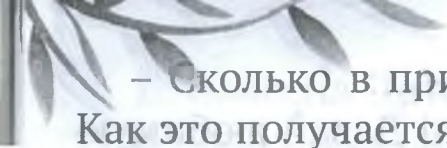
Останутся наши следы!

РАЗУМНОСТЬ ПРИРОДЫ

(придумки)

Поехал один мудрец в отпуск на ферму. Лежит он как-то в тени под яблоней, слушает, как птички поют, размышляет:

– Сколько в природе непонятного! Как это получается, что яблоки, сливы и вишни растут на больших высоких деревьях, а тыквы растут на убогих тоненьких стебельках? Разумнее было бы наоборот.

В эту минуту с высокой ветки сорвалось яблоко и стукнуло мудреца по носу.

– Я понял! – обрадовался мудрец. – Природа разумна. Если бы тыквы росли на деревьях и на меня сейчас упала тыква, она пришибла бы меня до смерти.

СОДЕРЖАНИЕ

Надо иметь чувство юмора	3
Лёгкий хлеб	9
Витя малеев в школе и дома	14
Жизнь серого медведя.....	25
Рике с хохолком	28
Родник	36
Толпа на набережной	39
Рике с хохолком	56
Как ваше здоровье?	63
Что любит мишка.....	71
Как ваше здоровье?	75
Туртукай	86
Серая шейка	89
И мы!... ..	103
Разумность природы	109

НАДО ИМЕТЬ ЧУВСТВО ЮМОРА

(рассказы о животных и басни для детей)

Редактор: С. Бадалбаева
Тех. редактор: А. Гулямов
Дизайнер: М. Рахманов

Лицензия издательство: АИ №239
4.07.2013

Сдано набор 10.04.2017. Подп. в печ
22.08.2017. Форм. бум. 54x84 1/16. Гарн.
офсет. Times New Печ. л. 6,75 (условных).
Уч.-изд. л 6,75. Тираж 3000. Зак. тип №74.

Типография ООО «GOOD GROUP MEDIA»
г. Ташкент. Чиланзар-14, д 32.

Надо иметь чувство юмора

рассказы о животных и
басни для детей

ISBN 978-9943-987-98-2

9 789943 987982